

Нет автора

**Вопросы философии и
психологии: Книга 115**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
Н57

Нет автора

Н57 Вопросы философии и психологии: Книга 115 / Нет автора – М.: Книга по Требованию, 2021. – 254 с.

ISBN 978-5-458-04763-0

Вопросы философии и психологии. Состоит из 137 книг

ISBN 978-5-458-04763-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Объ общественномъ идеалѣ ¹⁾.

III. Абсолютное и относительное въ осуществленіи общественнаго идеала.

Необходимость сочетанія абсолютнаго и относительнаго въ понятіи общественнаго прогресса.—Моральный радикализмъ и моральный консерватизмъ; совпаденіе ихъ въ неправильной оцѣнкѣ относительныхъ ступеней прогресса.—
Ложный абсолютизмъ и законный релятивизмъ.

Установивъ сверхъисторическую природу абсолютнаго идеала, мы разъяснили значеніе этого опредѣленія въ томъ смыслѣ, что въ отношеніи къ міру условной дѣйствительности абсолютный идеалъ всегда остается требованіемъ: никогда это требованіе не можетъ быть полностью осуществлено, и потому его осуществленіе можетъ быть выражено только формулой безконечнаго развитія. На всѣхъ путяхъ и ступеняхъ этого развитія проявляется стремленіе къ абсолютному; но каждый разъ это стремленіе заканчивается лишь относительнымъ приближеніемъ къ идеалу. Таковъ законъ историческаго прогресса, что путь къ абсолютному лежитъ чрезъ относительныя ступени возвышенія, чрезъ частичныя проявленія нравственнаго начала. Но именно отсюда вытекаетъ оправданіе этихъ относительныхъ ступеней и частичныхъ проявленій добра. Какъ очень хорошо разъясняетъ Влад. Соловьевъ, въ самомъ существѣ безусловнаго нравственнаго закона, какъ задовѣди или требованія, „заключается уже признаніе относительнаго элемента въ нравственной области. Ибо ясно, что требо-

¹⁾ Вопросы Фил. и Псих., кн. 110.

Вопросы философіи, кн. 115.

ваніе совершенства можетъ обращаться только къ несовершенному; обяывая его становится подобнымъ высшему существу, эта заповѣдь предполагаетъ низшія состоянія и относительныя степени возвышенія“ ¹⁾).

Необходимость такихъ низшихъ состояній и относительныхъ степеней, съ полной ясностью вытекающая изъ логическихъ опредѣленій, становится еще болѣе очевидной изъ конкретнаго разсмотрѣнія общественнаго прогресса. Нравственному началу ставится тутъ задача особенно трудная: не только возродить отдѣльнаго человѣка, но также смирить и сладить непокорныя стихіи общественной жизни, буйныя страсти массъ, неискоренимыя противорѣчія и раздоры, проявляющіеся въ общежитіи. Свѣтъ и тьма, любовь и вражда, обязанности и страсти еще болѣе борются тутъ, чѣмъ въ отдѣльномъ человѣческомъ сердцѣ. Все это обусловливаетъ въ высшей степени трудный и медленный процессъ восхожденія къ идеалу.

Нельзя въ достаточной мѣрѣ настаивать на важности тѣхъ философскихъ положеній, которыя вытекаютъ изъ основнаго опредѣленія абсолютнаго идеала. Все зависитъ здѣсь отъ того, чтобы правильно понимать сочетаніе абсолютнаго и относительнаго въ общественномъ прогрессѣ. Какъ смѣшеніе, такъ и полное раздѣленіе ихъ теоретически ошибочны и практически опасны. Только безусловный идеалъ можетъ служить послѣдней цѣлью для каждой относительной ступени; брать эти ступени отдѣльно отъ общаго идеала, обособлять и замыкать ихъ въ себѣ значило бы принимать временныя и преходящія требованія, можетъ быть ошибочныя и ложныя, за окончательныя и безусловныя. Лишь въ свѣтѣ высшихъ идеальныхъ началъ временныя потребности получаютъ оправданіе. Но съ другой стороны именно въ виду этой связи съ абсолютнымъ каждая временная и относительная ступень имѣетъ свою цѣнность, какъ одно изъ звеньевъ возвышенія къ идеалу. Требовать

¹⁾ Влад. Соловьевъ, Оправданіе добра. Полн. Собр. соч. Т. VII, стр. 374.

отъ этихъ относительныхъ формъ безусловнаго совершенства значить искажать природу и абсолютнаго, и относительнаго и смѣшивать ихъ между собою.

Мысль о томъ, что нравственный прогрессъ есть только восхожденіе отъ болѣе несовершеннаго къ менѣе несовершенному и все же безконечно далекому отъ совершенства, есть элементарная философская истина. И однако съ какимъ величайшимъ трудомъ усваивается эта истина на практикѣ! Обычное сознание склонно питать очарованія и надежды, которымъ нѣтъ мѣста въ эмпирической дѣйствительности. Несмотря на всѣ опыты исторіи, снова и снова преисполняется оно вѣрой въ возможность найти безусловно-совершенныя формы, способныя принести съ собою полное возрожденіе. И неизмѣнно смѣняется кругъ радостныхъ ожиданій и скорбныхъ разочарованій, въ которомъ полоса отчаянія и равнодушія нерѣдко уноситъ съ собою всѣ пріобрѣтенія момента свѣтлыхъ вѣрованій и надеждъ. Этому чередованію обманчивыхъ настроеній философія противопоставляетъ твердую истину нравственнаго сознанія о безконечномъ пути восхожденія къ идеалу.

Забвеніе этой истины порождаетъ однако на практикѣ не одни обманчивыя настроенія, но и ложныя убѣжденія, препятствующія прогрессу. Вѣра въ возможность осуществленія безусловнаго совершенства побуждаетъ однихъ рѣзко разрывать съ прошлымъ и требовать немедленнаго перехода къ новымъ формамъ, а другихъ цѣпко держаться за прошлое и не допускать его перемѣны на томъ основаніи, что предлагаемыя новыя формы не дадутъ безусловнаго совершенства. Оба эти противоположныя направленія—моральнаго радикализма и моральнаго консерватизма—вырастаютъ изъ одного корня; оба они основаны на томъ ложномъ предположеніи, будто бы въ какомъ-либо относительномъ строѣ можетъ воплотиться абсолютная нравственная идея. Въ дѣйствительности между абсолютной идеей и самой высокой изъ достигнутыхъ ступеней ея воплощенія всегда будетъ безконечное разстояніе; но это должно служить

не къ безусловному отрицанію достигнутой ступени и не къ сомнѣніямъ въ возможности прогресса, а къ исканію высшаго и усовершенствованію даннаго.

Оба указанная направленія—радикальное и консервативное,—какъ это ясно изъ ихъ опредѣленія, при всемъ своемъ различіи могутъ сходиться въ осужденіи относительныхъ и переходныхъ ступеней прогресса: одно—для того чтобы сразу возвыситься къ совершенному будущему, другое—для того чтобы сохранить неизмѣннымъ настоящее. Но если первое направленіе нерѣдко свидѣтельствуетъ о высокомъ энтузіазмѣ, второе является большей частью лишь обнаруженіемъ нравственнаго безразличія. И вотъ почему особеннаго осужденія заслуживаетъ это скептическое отрицаніе высшихъ стадій развитія, исходящее изъ желанія удержаться на низшихъ стадіяхъ, какъ болѣе испытанныхъ и привычныхъ. Для этихъ низшихъ стадій высшія должны были бы служить цѣлью стремленій, между тѣмъ скептической консерватизмъ подмѣчаетъ въ нихъ только недостатки, которые въ соединеніи съ ихъ неизвѣданностью и новизною будто бы лишаютъ ихъ всякаго значенія. Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ очевиднымъ софизмомъ: скептическіе практики жизни, вмѣсто того чтобы критиковать свою собственную дѣйствительность, въ цѣляхъ ея усовершенствованія, критикуютъ неизбѣжныя несовершенства чужой и высшей дѣйствительности, для того чтобы, отвергнувъ ее для себя, удержаться на данной стадіи, по существу еще болѣе далекой отъ идеала. Этотъ видъ консерватизма долженъ быть безусловно осужденъ съ точки зрѣнія нравственнаго идеала. Скептическое отрицаніе прогрессивныхъ стремленій, подъ тѣмъ предлогомъ, что они все равно не устраняютъ всѣхъ бѣдствій, есть слѣдствіе того эвдемонистическаго направленія, которое спокойствіе общественной жизни ставитъ выше нравственнаго прогресса и мирный сонъ предпочитаетъ дѣятельной тревогѣ духа. Но съ точки зрѣнія нравственнаго идеала не можетъ быть колебаній между привычной и даже устой-

чивой неподвижностью жизни и прогрессивнымъ, хотя бы и безпокойнымъ исканіемъ новыхъ началъ. Нравственный законъ указываетъ только одинъ путь къ своему осуществленію,—путь вѣчнаго исканія и стремленія. А историческіе примѣры нагляднымъ образомъ подтверждаютъ преимущество „безпокойныхъ“ исканій надъ неподвижнымъ покоемъ. Древнегреческій міръ оставилъ въ поученіе всѣмъ грядущимъ народамъ вѣчные образы Спарты и Аѣины, которые классически выражаютъ противоположность охранительной косности и смѣлаго реформаторства. Спарта, которая и въ позднѣйшіе вѣка являлась образцомъ постоянства и о которой только и сохранилась слава неприступной твердыни противъ всѣхъ усилій времени, и Аѣины, которыя, согласно древнему выраженію, „и сами не знали покоя и другимъ не давали оставаться спокойными“ и которыя оставили безцѣнные образцы во всѣхъ областяхъ челоуѣческаго творчества,—таковы эти вѣчные примѣры неподвижнаго консерватизма и живой предприимчивости. Въ новое время почти до конца XIX вѣка столь же типическимъ являлось противоположеніе между подвижнымъ Западомъ, вѣчно ищущимъ и стремящимся, и коснымъ Востокомъ, который „спитъ, покой цѣня“.

Определенныя здѣсь въ общихъ чертахъ направленія моральнаго радикализма и моральнаго консерватизма имѣютъ цѣлый рядъ различныхъ выраженій и оттѣнковъ. Для выясненія существа указанныхъ направленій необходимо остановиться на нѣкоторыхъ конкретныхъ явленіяхъ.

Примѣры нравственнаго радикализма нерѣдки. Они сплошь и рядомъ встрѣчаются у мыслителей, горячо вѣрящихъ во всемогущество своихъ идей и возводящихъ эти идеи на степень безусловныхъ цѣнностей. Превосходными образцами такой вѣры въ безусловную силу извѣстныхъ относительныхъ началъ являются политическія теоріи XVIII вѣка, на которыхъ хотѣли основать убѣжденіе въ абсолютныхъ преимуществахъ правового государства. Такова теорія народовластія, въ которой вслѣдъ за Руссо думали

найти полное разрѣшеніе проблемы справедливаго государственнаго устройства. Такова и теорія раздѣленія властей, въ которой также видѣли тайну политическаго искусства, своего рода философскій камень, съ помощью котораго дурныя формы превращаются въ хорошія. Въ настоящее время эти начала получили значеніе временныхъ политическихъ принциповъ, которые считаются въ высшей степени важными, но вовсе не безусловными. Независимо отъ различныхъ началъ, съ которыми попеременно связывался идеаль правоваго государства, и самый этотъ идеаль въ цѣломъ, ранѣе считавшійся абсолютнымъ предѣломъ общественнаго прогресса, теперь низведенъ до степени относительнаго блага моральной культуры. XIX вѣкъ былъ особенно богатъ опытами этого рода, которые, повидимому, должны были бы отучить отъ того, чтобы временнымъ построеніямъ придавать безусловную цѣнность. Если на нашихъ глазахъ та же ошибка повторяется въ отношеніи къ социализму, анархизму и другимъ идеальнымъ начертаніямъ предполагаемаго совершенства, то послѣ всѣхъ поученій исторіи и разясненій философіи это еще менѣе можетъ быть оправдано теоретически.

Вѣра въ безусловное значеніе извѣстныхъ построеній, приводящая къ моральному радикализму, большей частью сочетается съ рѣзкимъ осужденіемъ и существующихъ формъ, и другихъ идеаловъ. Но соприкосновеніе съ жизнью заставляетъ нерѣдко смягчать эти суровые приговоры, мириться съ дѣйствительными условіями, входить въ компромиссъ съ требованіями времени. Тогда радикализмъ совлекаетъ съ себя печать непогрѣшимой догмы, отыскиваетъ пути для практическаго осуществленія своихъ цѣлей и неизбежно входить въ область относительнаго. Это именно и случилось съ доктриной народнаго суверенитета и правоваго государства и на нашихъ глазахъ происходитъ съ социализмомъ ¹⁾.

¹⁾ Процессъ такого превращенія доктрины народовластія и правоваго государства я изобразилъ въ своемъ изслѣдованіи: „Кризисъ современнаго

Но бываетъ и такъ, что радикальные моралисты остаются въ области утопій и отвлеченій и судятъ обо всемъ съ абсолютной точки зрѣнія. Въ такомъ случаѣ относительныя блага моральной культуры теряютъ въ ихъ глазахъ всякую цѣну. Настаивая на полномъ осуществленіи абсолютныхъ началъ, какъ единственно способныхъ исцѣлить до конца всѣ бѣдствія жизни, они отрицаютъ все остальное, какъ несоотвѣтствующее абсолютной нормѣ. Но исповѣдывать такой абсолютизмъ не значитъ ли осуждать себя на бездѣйствіе, на бѣгство отъ дѣйствительной сложности жизни?

Едва ли не лучшими примѣрами такого отвлеченнаго морализма являются ученія Карлейля и Толстого. Въ ихъ отношеніяхъ къ политикѣ, къ ея лозунгамъ и путямъ много общаго, и это общее создается ихъ моральнымъ радикализмомъ. Они отвергаютъ относительныя формы культурнаго развитія, отрицаютъ необходимыя стадіи, чрезъ которыя протекаетъ исторія, отрицаютъ прогрессивныя стремленія передовыхъ общественныхъ группъ. Какъ бы ослѣпленные свѣтомъ высшаго совершенства, они не хотятъ видѣть тѣхъ относительныхъ преимуществъ, которыя даютъ оправданіе и парламентаризму, и социализму, и всей прогрессивной политикѣ вообще. „Все до конца, до послѣднихъ выводовъ, какъ бы они ни были чужды или непріятны намъ. Все или ничего“ ¹⁾ — говоритъ Толстой. Но именно этотъ моральный максимализмъ заставляетъ и его, и Карлейля отрицать міръ относительныхъ цѣнностей и частичныхъ успѣховъ общественной жизни. А это отрицаніе невольно сближаетъ ихъ съ направленіемъ нравственнаго консерватизма. Хорошо извѣстно, какъ Толстой своимъ осужденіемъ политическихъ реформъ и освободительнаго движенія въ концѣ 1904 года вызвалъ ликованіе въ консервативномъ лагерѣ. Точно также и Карлейль съ своимъ

правосознанія*. О соотвѣтствующей эволюціи социализма см. въ настоящемъ трудѣ, глава II.

¹⁾ Письмо Славянскому съѣзду въ Софіи. Полное собр. соч. Изд. 12-ое, М. 1911. Т. XX, стр. 475.

отрицаніемъ относительныхъ улучшеній не разъ оказывался заодно съ англійскими консерваторами ¹⁾).

Такъ моральный радикализмъ соприкасается съ противоположнымъ ему направлениемъ моральнаго консерватизма и одинаково съ нимъ создаетъ препятствія противъ общественнаго прогресса. Нельзя не вспомнить здѣсь простыхъ и убѣдительныхъ словъ, сказанныхъ Рузвельтомъ во время приѣма его въ Сорбоннѣ: „непрактичный мечтатель является скорѣе злѣйшимъ врагомъ, чѣмъ предшественникомъ и руководителемъ реформатора-реалиста, который, спотыкаясь и ошибаясь, но въ извѣстной степени и въ практической формѣ осуществляетъ надежды и желанія стремящихся къ лучшему будущему. Горе тому отвлеченному фразеологу, горе тому идеалисту, который вмѣсто того, чтобы подготовить почву для человѣка дѣйствія, обращается противъ него, когда онъ выступаетъ, и мѣшаетъ ему въ его дѣлѣ“ ²⁾).

Моральный консерватизмъ также имѣетъ различные виды и оттѣнки, начиная отъ простѣйшихъ проявленій инстинкта самосохраненія и кончая самыми возвышенными мечтами о незыблемой твердости предполагаемаго общественнаго совершенства. Консерватизмъ перваго рода въ своей болѣе низменной формѣ относится скорѣе къ явленіямъ зоологическимъ, чѣмъ къ моральнымъ. Однако, консервативное направленіе этимъ далеко не исчерпывается: и тутъ возможны извѣстныя ступени подъема, поскольку отъ побужденій своекорыстныхъ и эгоистическихъ совершается переходъ къ мотивамъ общественнымъ и идеальнымъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ консерватизмъ получаетъ характеръ охраны достигнутаго равновѣсія и вызывается боязнью опасныхъ перемѣнъ. Но при теоретическомъ своемъ формулированіи онъ всегда сочетается съ неумѣньемъ цѣ-

¹⁾ См. Будгаковъ, О социальномъ морализмѣ (Т. Карлейль). Сбор. статей: „Два града“, М. 1911. Т. I, стр. 106.

²⁾ Roosevelt, African and European Adresses. New-York and London 1910. См. Citizenship in a Republic (an adress at the Sorbonne). P. 54.

нить относительныя блага культуры. Боязнь новизны сопровождается здѣсь увѣренностью, что привычное и налаженное лучше необычнаго и неизвѣданнаго. Тутъ въ сущности предполагается, что къ новымъ формамъ слѣдовало бы переходить лишь *при условіи ихъ абсолютнаго совершенства и что всякія относительныя улучшения не имѣютъ цѣны.* Практически это воззрѣніе тѣмъ болѣе бесплодно и безжизненно, что оно проникнуто безпросвѣтнымъ скептицизмомъ. Въ XVIII вѣкѣ эту точку зрѣнія хорошо выразилъ нѣмецкій юристъ Густавъ Гуго. Утверждая, что всякія формы неизбежно сопряжены съ какими-нибудь недостатками, онъ находилъ, что каждому народу лучше оставаться съ тѣмъ, къ чему онъ привыкъ. Это было самое простое и элементарное выраженіе консерватизма, оправдывающее все существующее однимъ фактомъ его существованія и сводящееся къ философіи Вольтеровскаго Панглосса: „tout est bien puisque tout est“. Въ XIX вѣкѣ, въ связи съ широкимъ распространеніемъ новыхъ формъ правового государства, этотъ консерватизмъ нерѣдко выражался въ торжествѣ и злорадствѣ по поводу „банкротства парламентаризма“. Какъ будто бы парламентаризмъ долженъ былъ принести съ собою райское блаженство! Но независимо отъ этого поверхностнаго и недалководиднаго взгляда, въ которомъ гораздо болѣе недоразумѣній, чѣмъ философскаго пониманія, консерватизмъ облекается иногда и въ болѣе глубокую форму принципіальнаго невѣрія въ людей и въ жизнь, въ способность человѣчества къ прогрессу. Замѣчательными образцами этого углубленнаго консерватизма являются реакціонныя теоріи начала XIX столѣтія, среди которыхъ ученію Жозефа де Местра по всей справедливости принадлежитъ первое мѣсто.

Жозефъ де Местръ не вѣритъ ни въ какія прогрессивныя общественныя формы, не вѣритъ въ прогрессивныя усилія людей. Онъ отрицаетъ всякій сознательный ростъ общественной морали. „Люди уважаютъ и повинуются активно въ глубинѣ сердца только тому, что сокровенно,

такимъ именно *темнымъ и мучимымъ силамъ*, какъ нравы, обычаи, предрасудки, господствующія идеи, которыя держатъ насъ въ своей власти, увлекая насъ и господствуя надъ нами безъ нашего вѣдома и согласія. Онѣ неоспоримы и властны, ибо темны и загадочны“. Но въ господствѣ этихъ темныхъ и загадочныхъ силъ, какъ и во всемъ ходѣ природы, Жозефъ де Местръ видѣлъ не проявленіе благодѣтельныхъ для человѣка процессовъ, а, напротивъ, господство зла и вражды. „Гдѣ во всей природѣ можно встрѣтить примѣненіе либеральнаго и гуманнаго закона справедливости,—я этого не знаю. Въ общей экономіи природы одни существа неизбежно живутъ и питаются другими. Основное усиліе всякой жизни—то, что высшіе и болѣе сильные организмы поглощаютъ низшіе и слабые“ ¹⁾. Роковой законъ злобы и вражды, законъ взаимнаго истребленія царитъ надъ людьми. И это не случайность, которая можетъ быть исправлена какимъ-либо лучшимъ устройствомъ жизни, а высшая необходимость. Люди наказуются за вину первороднаго грѣха, которому всѣ причастны. Вѣчная казнь есть поэтому великій законъ среди живыхъ существъ. Вся земля, напоенная кровью, есть великій жертвенникъ, на которомъ все живое приносится въ жертву ²⁾. Такъ осуществляется высшій порядокъ міроуправленія, требующій очистительныхъ жертвъ. При подобномъ взглядѣ на ходъ человѣческой исторіи нѣтъ мѣста для свѣтлыхъ надеждъ на будущее, для творческихъ стремленій. Самое понятіе историческаго прогресса и моральнаго творчества отрицается. Человѣку остается склониться предъ неисповѣдими путями мірового закона и стараться только о томъ, чтобы не захлебнуться въ этомъ морѣ крови и вражды.

¹⁾ Joseph de Maistre, Eclaircissement sur le Sacrifice. См. изложеніе доктрины де Местра въ статьѣ г. М-ева, „Русскій Вѣстникъ“, 1889, май-іюнь. Этой статьей пользовался Влад. Соловьевъ въ статьѣ своей о славянофильствѣ для сопоставленія доктринъ де Местра съ консерватизмомъ Ив. Аксакова и Каткова. (Полн. собр. соч. Т. V).

²⁾ Joseph de Maistre, Soirées de St. Pétersbourg.